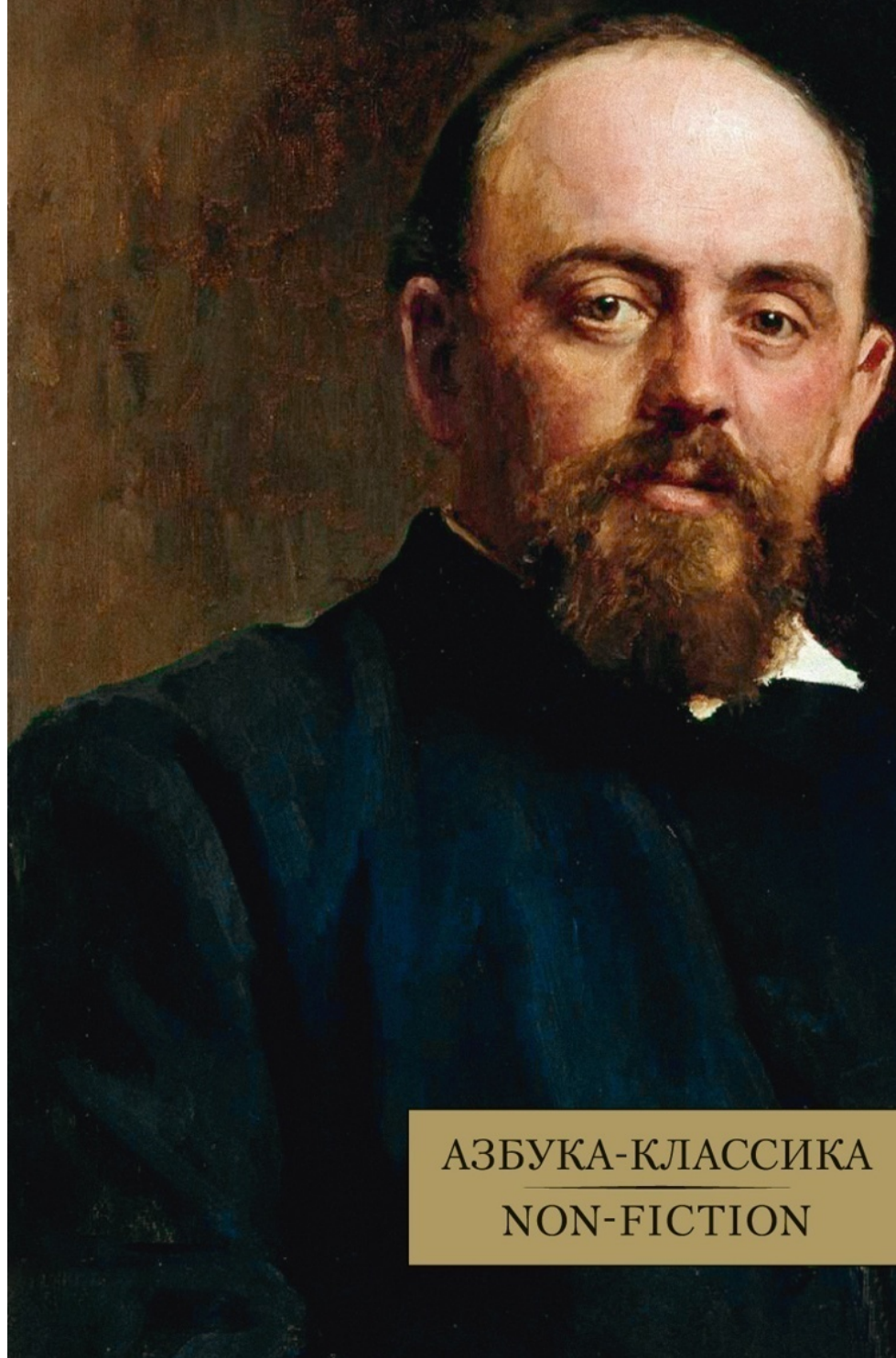

МАРК
КОПШИЦЕР

Савва Мамонтов

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-классика. Non-Fiction

Марк Копшицер

Савва Мамонтов

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 75.03
ББК 85.143(2)1

Копшицер М. И.

Савва Мамонтов / М. И. Копшицер — «Азбука-Аттикус»,
2023 — (Азбука-классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-24471-9

Савва Иванович Мамонтов (1841-1918) — крупный русский промышленник, предприниматель и меценат, наследник преуспевающей купеческой династии. Еще в юности увлеченность Саввы театром настораживала отца будущего покровителя искусств, крупного винного откупщика Ивана Федоровича Мамонтова: вместо обучения делу Савва находил куда больше удовольствия в том, чтобы «музыкантить, петь и кувыряться в драматическом обществе». Спустя век трудно даже вообразить, по какому пути направилось бы русское искусство, если бы не был создан знаменитый Абрамцевский кружок и не были предприняты иные славные начинания Мамонтова. Книга Марка Исаевича Копшицера (1923-1982), создавшего также замечательные биографии Василия Поленова и Валентина Серова, — плод многолетнего труда по исследованию и систематизации обширного документального материала, сохранившего свидетельства о жизни и деятельности человека, чей вклад в историю русского искусства поистине бесценен, — Саввы Ивановича Мамонтова. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 75.03
ББК 85.143(2)1

ISBN 978-5-389-24471-9

© Копшицер М. И., 2023

© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Глава I	7
Глава II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марк Копшицер Савва Мамонтов

*Целью в искусстве, как и во всей жизни,
являются свобода и прогресс.*

Л. Бетховен

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство
Азбука®

Глава I

Иван Федорович Мамонтов, отец Саввы Ивановича, скончался в подмосковном своем имении, сельце Кирееве, 19 августа 1869 года в пять с половиною часов пополудни.

Хоронили Ивана Федоровича в Алексеевском монастыре, и Савва Иванович со всеми, кто ездил в монастырь, вернулся в Киреево лишь на следующий день к вечеру.

Каждому из женатых сыновей Иван Федорович отстроил в Кирееве дом, чтобы лето вся семья проводила вместе, подле него. Дом для Саввы с Лизой Иван Федорович построил три года назад, в 1866 году. Савва и Лиза поженились в 1865 году и венчались здесь же, в Кирееве, а потом прожили пол-лета в доме отца и уехали в свадебное путешествие, в Италию. И сейчас почему-то Савве казалось, а может быть, и вправду это было так, что все, какие ни вспомни, события его жизни были связаны с отцом. Как ни стремился Савва к самостоятельности, но, как выяснилось потом, постоянно получалось, что направлял все Иван Федорович. И теперь словно бы окончился большой период в жизни, период ученичества, что ли, и подведена под этим периодом черта. Теперь он, Савва, уже не Савва, а Савва Иванович, а Лиза – Елизавета Григорьевна. Отец приучил его чувствовать ответственность за свои действия, и теперь, когда отца не стало, он понял это впервые так остро. У него семья: жена, два сына, оставшиеся после отца дела. Через месяц с небольшим ему исполнится двадцать восемь лет. Он вспоминал, что рассказывал ему о себе отец, а оказалось, что запомнил он удивительно мало.

Ему была обидна мысль, что и его когда-нибудь похоронят и вся его жизнь, все переживания, размышления, все, что волновало его, сгинет, словно бы ничего этого и не было, словно и не жил на земле такой Савва Иванович Мамонтов.

У него возникло желание записать хотя бы самые значительные события своей жизни. Когда осенью вернулись в Москву, он стал перечитывать письма отца, свой дневник, который вел, когда был гимназистом шестого класса, одиннадцать-двенадцать лет назад. Перечитывал все с каким-то новым чувством и вспоминал.

Он родился в 1841 году 3 октября в городе Ялуторовске, за Уралом, где отец его, Иван Федорович, «работал по откупной части»¹. Город Ялуторовск был основан лет за двести до того на месте другого городка, татарского Явлу-Тур, разрушенного Ермаком Тимофеевичем, который в царствование Ивана Грозного открыл Сибирь. Сколько было жителей в городе, никто не знал; первую перепись произвели в Ялуторовске лишь в 1890-е годы, и тогда оказалось, что людей в нем было три с половиной тысячи.

Был Ялуторовск темен, невежествен, но что было в Ялуторовске хорошо, так это то, что деревни, окружавшие его, как и все, впрочем, сибирские деревни, не знали крепостного права, и потому, при всей дремучей темноте местных и окрестных жителей, не было в них того рабьего духа, какой преследовал человека в исконных российских губерниях. И была еще в Ялуторовске особенность, выделявшая его из других рядом лежащих городов. Он стоял на великом Сибирском тракте, так что, едучи или идучи из России в Сибирь или из Сибири в Россию, никак нельзя было миновать Ялуторовск, и потому много людей прошло и проехало мимо его бревенчатых домов, и среди них немало замечательных.

В 20-е годы везли мимо Ялуторовска вглубь Сибири осужденных на каторгу декабристов. Порядок следования групп, состав их, скорость передвижения определялись лично государем, входившим во все мелочи, во все тонкости этой исторической акции. Потом мимо Ялуторовска проезжали жены декабристов: Трубецкая, Волконская, Анненкова, Ентальцева, Ивашева...

Александрина Муравьева везла мимо Ялуторовска послание Пушкина декабристам и особо – Пушину.

По прошествии нескольких лет, когда сроки пребывания на каторге стали истекать и декабристы начали отбывание ссыльных сроков, большей частью пожизненных, началось дви-

жение в обратном направлении, и самыми западными из сибирских городов, куда их поселяли, были: Ялуторовск, Курган, Туринск, Тобольск. Эта группа городов стала для них как бы тупиком, некоей невидимой стеной.

В 40-е годы, о которых речь, в Ялуторовске находилась уже довольно большая колония декабристов. Были они людьми очень друг на друга непохожими, и каждый по-своему был интересен. Первым из декабристов, еще в 1828 году, попал в Ялуторовск старый чудаковатый барон Тизенгаузен. Жил в Ялуторовске и Матвей Иванович Муравьев-Апостол, старший из трех братьев-декабристов, оставшийся в живых благодаря заступничеству сестры его, известной в те годы петербургской красавицы Екатерины Ивановны Бибиковой; жил там и Якушкин, тот самый Якушкин, о котором упоминается в десятой главе «Онегина»: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал...»

Жили еще в Ялуторовске Евгений Оболенский и Иван Пущин, лицейский друг Пушкина. Жили они вместе в доме Бронникова, о котором Пущин писал впоследствии, что дом этот «известен всей Европе». Действительно, многие, очень многие по пути в Сибирь и из Сибири останавливались у гостеприимного Ивана Ивановича. В этом доме сын Якушкина уговорил Пущина написать воспоминания о Пушкине, ныне так широко известные...

Последним поселился в Ялуторовске Басаргин, женившийся вскоре на вдове, Ольге Ивановне Медведевой, приходившейся родной сестрой знаменитому химику Дмитрию Ивановичу Менделееву. «Я уверен, – писал впоследствии Басаргин, – что добрая молва о нас сохранится надолго в Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило».

Итак, Савва Мамонтов родился и первые годы жизни провел в городе, где жили декабристы. В своих заметках о детстве он пишет, что отец его «был близок и как будто родственно связан с некоторыми из декабристов. К сожалению, связь эта была покрыта строгой тайной»². С кем из декабристов был Иван Федорович связан родственно, теперь установить вряд ли удастся, но в доме Мамонтовых бывала вдова скончавшегося в Ялуторовске Ентальцева, бывали Муравьев-Апостол, Пущин, по-видимому, также Якушкин и Оболенский.

Имя Мамонтова называют среди имен тех сибирских купцов, кто помогал «политическим преступникам» наладить бесцензурную переписку с родными и друзьями в России.

Имело ли это, однако, значение на «становление характера» Мамонтова? Думаю, что да. Наивно было бы, конечно, толковать это в том смысле, что посещавшие дом Мамонтовых декабристы непосредственно оказывали какое-то влияние на воспитание мальчика Саввы. Но ребенок невольно впитывал духовную атмосферу, которая окружала его в детстве, она определила очень многое в дальнейшем его развитии. А то, что общение с декабристами сказалось на формировании мировоззрения его отца – Ивана Федоровича, подтверждает вся его дальнейшая жизнь. Разумеется, не следует понимать и это слишком прямолинейно. Иван Федорович не организовывал тайных обществ – он делал карьеру, богател, обзаводился имуществом. Но при всем том был он человеком гуманным и народу сочувствовавшим.

Главным в характере Ивана Федоровича было, пожалуй, понимание духа прогресса – того, что является в данное время лейтмотивом жизни страны и общества, что отмирает, а что нарождается, что уходит в прошлое, а чему принадлежит будущее.

И если у Ивана Федоровича это понимание ограничивалось делами предпринимательства, то у сына его Саввы оно распространилось также на сферу искусства, в котором предстояло ему сыграть значительную роль.

Об этом, собственно, все дальнейшее повествование.

Что же касается декабристов, то преклонение перед ними на всю жизнь сохранилось в душе Саввы Ивановича, чему свидетельством строки из воспоминаний его сына: «У нас в семье был особый культ декабристов, а на стене кабинета отца всегда висели портреты некоторых из них»³.

Делавшему карьеру Ивану Федоровичу Ялуторовск был тесен, он чувствовал себя способным для деятельности более значительной, чем та, что могла быть им осуществлена в этом крохотном городишке. Он переезжает сначала в Чистополь, потом в Орел, потом в Псков, нигде подолгу не задерживаясь, и в 1849 или 1850 году приезжает в Москву, где и обосновывается уже навсегда. У Ивана Федоровича и жены его Марии Тихоновны было к тому времени семеро детей: старшая дочь Александра, четверо сыновей – Федор, Анатолий, Савва, Николай – и еще две дочери – Оля и Маша.

Переехав в Москву, Иван Федорович купил дом на 1-й Мещанской – чудесный барский дом, украшенный по фасаду величественным подъездом, просторный, со множеством прихожих, с двумя кабинетами, с огромным залом, дверь из которого выходила на каменную террасу, а терраса – в старый сад. Дом когда-то принадлежал графам Толстым. Иван Федорович обставил его не без роскоши, но со вкусом и принялся за дела. Воспитать сыновей он решил на столичный манер. Тотчас взамен нянюшек и прочей женской прислуги был выписан из Ревеля, по рекомендации каких-то петербургских друзей, Федор Борисович Шпехт, окончивший университет в Дерпте, молодой еще, бодрый, подтянутый и педантичный. Шпехт установил строгую дисциплину, строгое расписание занятий, и нарушение их не допускалось ни в коем случае. Серьезнейшим образом изучались языки: день – французский, день – немецкий, и дело пошло столь успешно, что немецкий язык едва не вытеснил русский: братья, когда нужно было поговорить о серьезном или интимном деле, обращались друг к другу по-немецки, и так продолжалось не только в годы учения у Шпехта, но и много лет спустя. Таким оборотом дела Иван Федорович был недоволен, но считал его, по-видимому, неизбежным злом, к счастью временным.

Иван Федорович был уже очень известен в Москве, жил открыто и широко, принимал многих влиятельных людей, вплоть до графа Арсения Андреевича Закревского, генерал-губернатора Москвы, неограниченного вершителя судеб города и губернии, почти восточного владыку, – невежественного, своенравного и деспотичного, прозванного москвичами «Арсеник-пашой». Часто приезжал из Петербурга и гостил у Мамонтовых Василий Александрович Кокорев, крупный делец по откупам, «откупной царь», как назвал его Савва Мамонтов в гимназическом дневнике.

И вот в это переливающее через край кипение жизни, в это преуспевание купеческого дома Мамонтовых неожиданно ворвалось горе, надолго выбившее семью из колеи: умерла Мария Тихоновна Мамонтова, жена Ивана Федоровича, мать восьмерых его детей.

Иван Федорович совершенно убит был горем. Он целиком отдался распорядительности Кокорева. По его совету он продал толстовский дом, где все напоминало ему о покойной, и купил другой – на Новой Басманной, тоже просторный, но в ином роде: добротный, солидный, удобный.

Но и в этом доме несчастья не оставили семью. Через несколько месяцев умерла любимица Ивана Федоровича, десятилетняя Маша, девочка умненькая, бойкая, единственная, умевшая выводить отца из состояния подавленности, а вскоре после нее умерла Соня, родившаяся за несколько дней до смерти Марии Тихоновны. Осталась дочь Оля. Иван Федорович пригласил для ее воспитания из Петербурга гувернантку, мадам Корнон, а сам он, чтобы как-то подавить горе, с головой ушел в дела.

Как же сложилась жизнь Саввы после смерти матери?

Иван Федорович решил, что настала пора прекратить домашнее воспитание сыновей, и отдал их в гимназию: Савву во второй класс, Анатолия – в третий. Но пребывание в гимназии длилось недолго. Когда окончился учебный год, отец отвез Савву и двух его двоюродных братьев, Валерьяна и Виктора, в Петербург и определил в Горный корпус. В корпусе Савва

проучился год и вернулся опять в гимназию, в тот же класс, из которого за год до того его забрал отец.

Все еще находясь на попечении Шпехта, он был особенно на хорошем счету у преподавателей иностранных языков. Зато гимназические администраторы – надзиратели и классные наставники – недолюбливали его за своенравие и непочтительное отношение к официальным правилам гимназического бытия.

Учился Савва год от года все хуже, стал чуть ли не последним учеником. По существовавшим тогда правилам он должен был сидеть на последней скамье, но по настоянию одноклассников, любивших его за независимость, сидел всегда на первой, рядом с первым учеником. Такая популярность у товарищей вызвала все большую нелюбовь администрации. Директор открыто ненавидел его. Только о двух преподавателях вспоминал Савва Иванович впоследствии с благодарностью: о физике Вилькранце и словеснике Носкове, близком знакомом Гоголя. Носкову Савва считал себя обязанным знанием русской литературы, любовью к чтению.

Семья Мамонтовых тем временем опять переменила место жительства. Иван Федорович купил дом на Садовой, у Воронцова Поля, меньше прежнего, но уютный. Тогда же, по совету Кокорева, имевшего на Ивана Федоровича значительное влияние, было куплено имение – сельцо Киреево – неподалеку от Москвы, около Химок, где с тех пор вся семья проводила летние месяцы.

Иван Федорович уже давно занимался чем-то никому не понятным: еще в те годы, когда жили на 1-й Мещанской, бывшей как бы проходным двором Москвы, он, если бывал свободен, стоял у окна и считал, сколько телег проезжает к Троице, сколько возвращается обратно, сколько идет паломников, сколько груза везут. Потом, когда переехали с 1-й Мещанской, он, бывало, ездил за город сам или с кем-нибудь из сыновей – чаще всего с Саввой – и там, за городом, все считал паломников, едущих и идущих к Троице и от Троицы. Он никому до времени не говорил об этом, но мысль была такая: построить железную дорогу, пока только до Троицкой лавры – 60 верст, а там... Впрочем, для этого нужны были деньги, какими он в ту пору еще не обладал. Но когда вместе с Кокоревым он взял винный откуп, дела пошли хорошо. Однако надо было торопиться, чтобы не обскакали другие. Он всем существом чувствовал, что приближается время, когда главным действующим лицом в стране станет предприимчивый делец. Хотя внешне на первый взгляд все было по-старому: дворянство занимало прежнее место в жизни, крепостное право казалось незбылемым, государственный аппарат – крепким и устрашающим, но что-то было уже не то... И хотя дотошный государь-тюремщик сочинял новые условия пребывания государственных преступников на поселении: на сколько верст кому отъезжать от места постоянного жительства, какими чернилами писать письма, а на просьбы амнистировать декабристов отвечал, выкатив оловянные глаза: «Еще не пришло время...» И хотя была задушена революция в Венгрии и в знак победы царь приказал выбить медаль: молодой и прекрасный латник поражает гидру (молодой и прекрасный латник был российский царь Николай I, многоглавая гидра – Лайош Кошут, Шандор Петефи) – а все равно – не та была сила, не та мощь...

Русское общество, оцепеневшее, впавшее в летаргию после разгрома на Сенатской площади, приходило в себя и начало подавать признаки жизни. И вот в это время Николай I совершает величайшую в своей жизни ошибку: он начинает войну с Турцией. В ответ на это Англия и Франция объявляют войну России. И тут стала очевидна слабость империи; все расплозлось, все оказалось гнилью. Русская армия была обессилена муштрой и шагистикой, военным наукам предпочитались дисциплина и покорность. Вооружение безнадежно устарело.

В этот критический для страны момент Николай I умер. Умер неожиданно и загадочно. Русское общество по-разному восприняло весть о смерти человека, который без малого трид-

цать лет держал в кулаке судьбы страны. Наиболее прогрессивная часть его встретила это событие как великую радость.

А. И. Герцен пишет, что «встретил великую новость... со слезами искренней радости на глазах... Несколько лет свалилось с плеч долой, я это чувствовал... Я не видел ни одного человека, который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаз человечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах наконец зачислен по химии».

Начало нового царствования не предвещало, однако, ничего хорошего. В приказе по войскам Александр II передавал сказанные его отцом на смертном одре слова благодарности «верной гвардии, спасшей Россию в 1825 году», а самого покойного называл в этом приказе и в других документах не иначе как «незабвенный». Слово это всех потешало и вносило струю веселости, хотя и не без горечи, в совсем невеселые прогнозы.

Но жизнь шла вперед. Война требовала решений незамедлительных, изменений – кардинальных.

Новый царь все же понял, в какой тупик завел страну его воистину «незабвенный» родитель. Первым актом, имевшим скорее символическое значение, была отставка Клейнмихеля, выученика Аракчеева, последнего временщика Николая I. И хотя и острили, будто новый царь решил от скуки: «Дай потешу народ, сменю Клейнмихеля», но все же чувствовали: повеяло свежестью, поняли: отставка Клейнмихеля есть признание негодности старого курса, первый шаг в сторону от него.

Война, однако, была проиграна – поражение России было тщательно подготовлено всей политикой Николая I, проводившейся им в течение тридцати лет. Но поражение это заставило нового царя внять велению времени.

26 августа 1856 года в Москве во время коронационных торжеств Александр II подписал указ об амнистии декабристам. В тот же день указ был вручен сыну Сергея Волконского, находившемуся как раз в Москве, и он, не тратя лишнего часа, поскакал на восток. Через семь дней он был уже в Ялutorовске, в доме Бронникова, обнял Пущина, со слезами на глазах объявил ему счастливую весть и понесся дальше, в Читу, в Нерчинск, туда, где с нетерпением ждали решения своей судьбы отец и его друзья. К 1856 году осталось в живых тридцать четыре человека «государственных преступников».

А в Москве дворяне и именитые купцы в ознаменование манифеста об амнистии устраивали торжественные обеды, на которых провозглашали политические тосты. То, о чем еще так недавно говорили лишь шепотом и в кругу самых близких, провозглашалось открыто и безбоязненно.

Осенью в Москву начали приезжать декабристы. «Трое из них остановились у отца»⁴, – пишет Савва Мамонтов.

Кто были эти трое, сказать трудно. Кроме Тизенгаузена и Пущина, в Москве побывали все жившие прежде в Ялutorовске. Пущин переписывался со всеми, и по письмам к нему можно понять, что в доме Мамонтовых были Ентальцева, Муравьев-Апостол...

Жизнь менялась на глазах. На пороге была «Великая реформа», на пороге были 60-е годы, небывалый еще в России подъем общественных сил и великая растерянность тех, кто, засевши в дворянских гнездах, почитал жизнь окаменевшей.

А пока что в Петербурге и в Москве, в высоких правительственных кругах, в кулуарах государственных учреждений, в аудиториях университетов, в дворянских гостиных, в залах купеческих особняков, в чиновничьих квартирах, в клетушках студентов – всюду разговоры и разговоры. Готовятся большие перемены в жизни страны, готовятся реформы, которые должны обновить российскую жизнь. И люди передают слухи, высказывают предположения, пожелания.

2 января 1858 года гимназист шестого класса Савва Мамонтов записывал в своем дневнике: «Читал речи на обеде по случаю освобождения крестьян... Павлова, Бабста, Кавелина, Станкевича, Кокорева»⁵.

А еще через несколько дней, 15 января: «Завтра обед у Кокорева, всех приглашают, даже дам, а меня нет, однако я выпросил у папеньки, чтобы и меня он взял с собой»⁶. На следующий день, 16 января: «Я не ездил к Кокореву, потому что думал, что это ему не понравится, что скажет, мальчишка и тот пришел, говорят, он говорил сегодня хорошо»⁷.

Как видно, Савву Мамонтова очень интересуют все эти разговоры; в гимназии он получает совершенно определенную репутацию человека осведомленного. Одна из его дневниковых записей говорит о том, что даже законоучитель, отец Богданов («батяка Богданов», как величает его Савва в дневнике), обращается к нему с просьбой принести почитать речи. И другая запись: «Братья привезли какие-то речи...»

Что же касается личных интересов Саввы Мамонтова, то здесь первое место несомненно занимает театр.

«Вчера был в театре, – записывает он 8 января. – „Траваторе и Пахита“».

«13 января... Иду в театр в бенефис Щепкина. Идет: „Жаккардов станок“, „И рад бы поверить“, „Прежде маменька“ и „Дивертисмент“. Спектакль был не особенно хорош, меня удивляет, неужели Щепкин не умеет выбрать себе пьесу для бенефиса; достойно всеми уважения то, что он больше обращает внимания на политические обстоятельства времени и больше соображается с духом его, но, должно быть, его недостаточно понимают, но принимают его пьесы очень хладнокровно, даже одну совсем ошिकाки, именно: „Прежде маменька“. В „Жаккарде“ он проповедует, что надо давать больше хода низшему сословию, что в нем кроется много талантов, которые убивает совсем напыщенность, ученость, не давая им совсем никакого хода. Роли были исполнены великолепно, об этом и говорить нечего, главное, чувствителен самый недостаток пьесы»⁸.

«17 января... Вечером был в театре: „Чужое добро в прок не идет“ и „Голь на выдумки хитра“. Я эту комедию видел в первый раз, и она на меня произвела сильное впечатление; но как Васильев хорош в роли сына, это просто чудо. Я не предполагал в нем такого драматического таланта, чисто драматического, какая у него превосходная мимика, выражение лица. Колесова была довольно мила, и Шуйский был хорош»⁹.

«23 четверг... Сегодня иду в театр. „Сомнамбула и Сильфида“. Однако я довольно часто бываю в театре, вот уже 4 раза в этом месяце».

Он был в театре и пятый раз – 27 января, смотрел пользовавшийся тогда успехом балет «Наяда и рыбак», а вечером того же дня слушал оперу «Марта», 29-го «на благородном спектакле»¹, где играли «Горбун и Мария» и «Суженого конем не объедешь», и, наконец, в восьмой раз, 31 января, смотрит опять же балет «Наяда и рыбак».

Он смотрит и слушает и такие оперы, как «Жизнь за царя», и совсем пустяковые оперетки, и серьезные драмы, и водевильчики-мотыльки, живущие один сезон, смотрит по два-три раза и больше.

Он старается заинтересовать театром своих одноклассников, но безуспешно. Неудачей оканчивается и попытка братьев Мамонтовых устроить семейный литературный вечер.

Впрочем, в конце концов Савва сходитя с одним из своих соучеников – Петром Спиро, которого ему удалось заразить своей любовью к театру. Они становятся друзьями, и дружба эта длится много лет, до самой смерти Спиро.

¹ «Благородным спектаклем» назывался спектакль, сборы с которого поступали в чью-нибудь пользу, например неимущих студентов.

Прочтя все дневниковые записи, относящиеся к театру, нетрудно заметить, что больше всего Савву интересует опера, он даже пытается пробовать свой голос.

«Сегодня утром ходил к Александру, – записывает он, – у него был Булахов, он пробовал мой голос, говорит, что у меня баритон и может образоваться хороший голос, если им заниматься»¹⁰¹¹.

Искусство, однако, требует жертв. В жертву были принесены науки. В седьмой класс Савва все же кое-как перешел. А вот на выпускных экзаменах случилась беда. В те годы все большее значение начали придавать классическим наукам, и на экзамене по латыни он срезался. На экзамене этом присутствовал профессор Леонтьев (который вместе с Катковым был инициатором углубления классической направленности образования). Принимай экзамен кто-нибудь из гимназических учителей, может быть, все и обошлось бы, но профессор Леонтьев, выслушав, как выпускник классической гимназии переводит классический текст, только плечами пожал:

– Скажите, господин Мамонтов, вы когда-нибудь занимались латинским языком?

– Откровенно говоря, – признался Мамонтов со странной лихостью, – латынью я не интересовался.

– Оно и видно, – любезно согласился профессор и поставил двойку, к великой радости директора. Двойка эта была нешуточной и грозила отнюдь не переэкзаменовкой, а повторным прохождением курса седьмого класса. Савва был в отчаянии.

– Плюньте вы на аттестат, – посоветовал ему преподаватель физики Вилькранц. – Поезжайте в Петербург, сдавайте там экзамены в университет, а латынь за вас сдаст другой, я вам укажу кто.

И все произошло как по-писаному. Были сданы экзамены, кто-то сдал латынь, тут же был сделан перевод из Петербурга в Москву, и Савва Мамонтов появился в Московском университете студентом юридического факультета.

«Посещал я лекции с большим интересом, но и с большим вольнодумством, – вспоминал он впоследствии. – Я очень интересовался анатомией и посещал анатомический театр и товарищеские собрания в фотографии Федотова, тоже студента, как и я. Признаться, собрания эти были вздорные и руководились студентами, наивными революционерами»¹².

Но больше всего Савву Мамонтова интересовал театр. Теперь он уже не только посещает спектакли, но и сам пробует играть. Частные театры в ту пору были запрещены, но драматические кружки существовали. Самым интересным был «Секретаревский». Так назывался кружок любителей драматического искусства, выступления которого происходили в доме некоего Секретарева. Это был фактически театр, но поневоле обходившийся без афиш и регулярности спектаклей. В зрителях тем не менее недостатка не было. Особенно любила «Секретаревку» молодежь. Притягательным центром кружка был Александр Николаевич Островский.

Ставили «Грозу». Роль Дикого играл сам Островский, Мамонтову досталась роль Кудряша. За несколько дней до премьеры к Савве пришла сестра Ольга и сказала, что папенька очень интересуется, насколько серьезно увлечение Саввы, и хотел бы сам побывать на спектакле. Савва достал два билета в первом ряду и с удовольствием наблюдал, с каким серьезным видом смотрит отец спектакль, иногда даже слезу смахивает. Когда вернулись после спектакля домой, Ольга рассказала Савве, что отцу спектакль очень понравился.

Событие это, однако, имело последствие неожиданное, кардинальным образом изменившее на продолжительный срок все течение жизни, так нравившееся Савве.

«Утром отец позвал меня в кабинет, – вспоминает Мамонтов, – и дал прочесть письмо, полученное им из Петербурга, где у него были хорошие связи. Письмо гласило: „У Вас есть сын Савва в университете, уберите его, иначе может быть очень плохо“. – „Ну вот ты и допрыгался, голубчик, завтра ты едешь в Баку“. Отец участвовал в компании с Кокоревым в первых тогдашних нефтяных промыслах в Баку и в устройстве товарных факторий во всей Персии.

Дело очень капитальное и интересное. Фирма называлась „Закаспийское торговое товарищество“»¹³.

Эта запись, сделанная много лет спустя после события, находится в некотором несоответствии с одним документом, сохранившимся в архиве Мамонтовых. Документ этот представляет собой листок с письмом Саввы к отцу, написанным, как видно, после какого-то объяснения: «Позвольте, дорогой батюшка, обратиться к Вам. Мое настоящее положение таково, что требует скорейшего разрешения для Вашего спокойствия и для моей пользы и потому мне остается просить у Вас одного: не медлить Вашим решением, произнести Ваш суд. Вас беспокоит мысль, что я ничего не делаю, не тружусь – я готов трудиться».

Письмо это помечено 24 апреля 1862 года. Ответ Ивана Федоровича написан на том же листе, что было одним из его обыкновений. Теперь он писал: «Отвечаю 25 апреля 1862 года. Да, праздность есть порок, труд не есть добродетель, а прямая непреложная обязанность как исполнение прямого долга в жизни. Всякий гражданин должен трудиться морально или материально для пользы своей семьи, для пользы общественной и отечественной. Человек должен трудиться от юности и до старости, а иначе сложится человек в туineaдца...

Первый труд юноши учиться по направлению родителей или старших в семействе избранным предметам, которые поведут к правильной, полезной жизни. Тебе, Савва, назначен был мною труд по современным правилам классически учиться через учебные заведения и университет, на это даны были мною все средства и грамотный гувернер и учителя, а следовательно, был путь просторный. Ты, Савва, не внял прямого долга, ленился... и убил напрасно первые годы до 20 лет. Правда, виною был я и невнимательный к своему делу гувернер, не согнувшие тебя в дугу, а причина вины моей есть современная глупость давать юноше простор к его трудам и исполнению долга. Что же из этого вышло? Ты вовсе обленился, перестал учиться классическим предметам, развлекался и предавался непозволительным столичным пустым удовольствиям, музыкантить, петь и кувыряться в драматическом обществе, все это ты делал вопреки моим желаниям и воле, которые я тебе много раз заявлял словесно и даже письменно. Затем еще вопрос: что же из этого вышло? Пустота в голове, слабость в теле и мучительный упадок в характере. Ты являлся редкий день к ночи не позднее всех живущих в доме, бросался в постель с пустым брожением мысли в голове, валялся усталым в постели до 10 часов утра, встав...»¹⁴

Эта своеобразная переписка между сыном и отцом, жившими под одной крышей, произошла в апреле 1862 года, а спектакль состоялся в августе, и содержание этой переписки и сопоставление дат объясняют нам причины, заставившие Ивана Федоровича удалить сына из Москвы: это, конечно, его чрезмерное увлечение театром, которое отец считает, разумеется, вздорной забавой, от которой «пустота в голове, слабость в теле и мучительный упадок в характере». Что же касается письма из Петербурга, рекомендации удалить немедленно Савву из Москвы, то мотивы этой рекомендации так не ясны, что при отсутствии аргументации вся история начинает походиться на очень хитро закрученный детектив.

Но так или иначе, а в начале августа 1862 года Савва Мамонтов выехал из Москвы в Нижний Новгород, оттуда Волгой до Астрахани и 4 сентября пароходом прибыл в Баку. Его встретил главный директор азиатских факторий Бекман, предупрежденный заблаговременно письмом Ивана Федоровича с просьбой держать Савву в строгости, дабы почувствовал он, каково добывать капитал для вольной жизни своим трудом. Савва был определен на должность в контору. Первые дни его занимала необычность окружающей жизни, азиатская экзотика. Он сдружился с бухгалтером, носившим странную фамилию Пупыкин, и бродил с ним по узким кривым улицам Баку.

Солнце клонилось к закату, пронзительный голос муэдзина начал сзывать правоверных на молитву.

– Это у них вместо колокола, – говорил Пупыкин. – Какое горло надо иметь, представляете! Нет, нашим баткам легче. Звонарь в колокол ударил – верст на десять слышать.

Откуда-то доносился запах кизячного дыма, слышалось блеяние овцы...

«Все не то, – подумал Савва, – все не так, как в Москве». Ему вдруг стало тоскливо, и от воспоминания о московских колоколах он перенесся невольно к воспоминаниям о доме: отец с сестрой сейчас, должно быть, в Кирееве; вспомнились братья, тетушки Вера Степановна и Серафима Аристарховна, с которыми еще недавно вел душевные беседы, ездил в театр, вспомнились кухни. И сразу опостылела вся экзотика, захотелось бросить все и уехать в Москву.

21 сентября, через 17 дней после приезда в Баку, Савва пишет письмо отцу о том, что здесь ему делать нечего, что зимой он и в Москве сыщет работу, весной же опять согласен уехать в Баку. Но Иван Федорович категорически отклоняет этот вариант. Аргументы все те же, то есть никакая не опасность пребывания в Москве, а желание заставить сына потрудиться вдали от соблазнов, которые он считает губительными для деловых качеств будущего предпринимателя. «В Москве одно лишь развлечение на глазах и чад в голове. Вот тебе образчик, Савва: Федор и Анатолий, совершеннолетние молодые люди, не могут жить и содержать себя... Ничего не делают, скучают и ходят с туманом в голове, а отчего это? Оттого, что они не привыкли к трудам... надобно трудиться правильно, как трудится каждый добрый гражданин, добросовестно, не надеясь на чужие силы»¹⁵.

Савва покорился, чем вызвал необычайное расположение отца. Письма его к сыну уже не содержат нравучений, а принимают все более дружеский тон. Иван Федорович говорит с Саввой как с равным, делится своими мыслями, серьезно рассказывает о делах и перспективах, держит его в курсе доходов и расходов. Особенно занимают Ивана Федоровича дела Троицкой железной дороги, которую к тому времени уже успели построить. По всему видно, что Иван Федорович смотрит именно на Савву как на преемника дел и трудов своих. Старшими сыновьями он недоволен. На Федора он не мог возлагать особых надежд прежде всего по той причине, что тот был не совсем здоров психически. Анатолий же рассердил отца, пойдя против его воли в таком по тем временам важном принципиальном вопросе, как женитьба. (Возможно, что именно это толкнуло Ивана Федоровича на такие крайние меры по отношению к Савве, как отсылка его в Баку.) Дело в том, что Анатолий, находясь в Милане, познакомился с певицей Марией Александровной Ляпиной и заявил, что намерен жениться на ней. Вскоре после отъезда Саввы в Баку он приехал с ней в Москву, и они поселились вместе. Конечно, с точки зрения преуспевающего купца, брак сына с актрисой был мезальянсом, но Иван Федорович впоследствии примирился с этим, видя, что брак не помешал предпринимательству. В одном из писем Савве он с удовлетворением и надеждой сообщает, что «Анатолий затевает типографию».

Через три месяца после приезда Саввы в Баку директор Бекман собрался в Персию осматривать находящиеся там фактории и, видимо по указанию Ивана Федоровича, взял с собой Савву. На письме Саввы, извещавшем, что он уезжает в Персию, Иван Федорович сделал надпись: «Жаль мне Савву, но слава богу, что он на деле и не дома».

19 декабря 1862 года Бекман, Савва и их спутники сели на пароход и вскоре выгрузились на персидском берегу, в порту Ашурадэ. Здесь Савве был выделен телохранитель «черкес Алла-Верды», как называет его Савва.

Телохранитель был вооружен с головы до ног.

Погрузившись на верблюдов, вся компания отправилась вглубь таинственной страны, известной Савве только по сказкам. Но ничего сказочного в Персии не было. К восточной экзотике он пригляделся еще в Баку, а езда на верблюдах была весьма утомительна.

Персия оказалась бедной и грязной. В Шахруде Бекман оставил Савву на попечение местного директора фактории, а сам поехал дальше. Савва прожил в Шахруде шесть месяцев. Учился торговать в лавке, ездил с директором фактории в ближайшие селения покупать пер-

сидские товары, вел долгие беседы с бухгалтером, стариком Абдерасулом, слушал его рассказы о нравах и обычаях персиян.

Жизнь текла медленно и скучно. Днем торговля в лавке, потом обед с директором фактории и Абдерасулом на плоской крыше дома, ленивая, по-восточному медленная беседа... А назавтра все то же. Однообразие это надоело Савве до смерти, но отец уезжать не разрешал, повторяя чуть ли не в каждом письме: «Стерпится – слюбится». «Стерпится» – это Савва понимал, но «слюбится» – жизнь в маленьком азиатском городке, торговля в лавке – в это он не верил, но решил смириться, хотя бы внешне, так что, когда спустя полгода Бекман приехал в Шахруд, директор фактории отозвался о молодом человеке самым лестным образом. Бекман предложил Савве, конечно не без указаний Ивана Федоровича, переехать в главный город Хороссана Мешхед и открыть там новую факторию. Савва с радостью согласился: как-никак – это было переменной в жизни. Семьдесят верблюдов было нагружено русскими товарами, к Савве был приставлен тот же телохранитель Алла-Верды и два персиянина: Махмуд и Джангир. Абдерасул на прощание предупредил Савву насчет опасностей, подстерегающих его в этой стране, советовал быть осторожным, никому, кроме своих спутников, не доверяться. Савва купил лошадей для себя и для Алла-Верды, и караван тронулся в путь. Путешествие было долгим и утомительным; ехали по бесплодным пустыням, запасаясь водой в редких оазисах, ехали между голыми скалами. На ночлег старались останавливаться в селениях, имеющих караван-сарай – своеобразные восточные гостиницы для купцов, едущих с караваном; в гостиницах имелись склады для товаров и загоны для верблюдов. Но караван-сарай были не повсюду, случалось ночевать где попало, чаще всего в крошечных духанах, где комната для приезжих была маленькой, сырой и спать приходилось прямо на полу. Так ехали они день за днем, продвигаясь вглубь Азии, и с каждым днем все тоскливее становилось на душе у Саввы. Он мысленно измерял расстояние до Москвы, до родных и близких, расстояние, которое все увеличивалось, и однажды на какой-то стоянке он почувствовал себя таким одиноким и несчастным, что расплакался и проплакал всю ночь.

На двадцать второй день путешественники прибыли к воротам Мешхеда, где были остановлены стражниками, потребовавшими пошлину за ввоз товаров (в Персии право взимания пошлины дается на откуп), но за русские товары пошлина была уже уплачена на границе, и потому Савва приказал спутникам, не обращая внимания на стражу, провозить караван в город.

Мешхед – город богатый, Хороссан – самая плодородная, самая благополучная из персидских провинций. Торговля пошла бойко, Савва сразу стал заметным человеком в городе и был удостоен приема наместником шахиншаха.

Но тоска не оставляла его. В городе со стотысячным населением был всего один европеец, бельгиец по национальности, бывший унтер-офицер французской армии, мсье Шоз, занимавший видный пост при дворе наместника: он был инструктором стражи, очень многочисленной, хорошо вооруженной, охранявшей наместника от возможных бунтов и покушений. Вооруженных людей было столько, что действительно создавалось впечатление ежеминутной опасности. Кроме стражи, была еще полиция, и начальник ее, полицмейстер, посоветовал Савве, кроме Алла-Верды, не отходявшего ни на шаг и ни на минуту не снимавшего руки с рукоятки кинжала, завести еще двух стражников – феррашей, которые шли бы с нагайками впереди и сзади. Савва послушался его и с тех пор ходил в сопровождении трех вооруженных людей. Об этом, может быть, любопытно читать, но жить так долгое время не очень-то приятно.

Как-то персидские купцы, торговавшие в священных кварталах, то есть в той части города, куда доступ иноверцам был запрещен, предложили продать им значительную часть товаров за наличный расчет. Савва с радостью согласился и, забыв наставления о том, что никому нельзя доверять, отослал товары, прежде чем получил деньги. Пришлось прибегнуть к установившимся уже в городе высоким связям, чтобы заставить купцов уплатить. Мсье Шоз

даже пригрозил купцам, что за такие проделки они получают палками по пяткам. В результате все было устроено, и Савва со своими феррашами и приказчиками пришли в караван-сарай с грузом золотых туманов. На запрос, что делать дальше, из Баку ответили, что остаток товаров следует передать одному из сопровождавших – Махмуду, а самому можно возвращаться в Баку.

Как ни тяжел был обратный путь, он был радостен. После Персии Баку кажется уже землей обетованной – там можно услышать русскую речь, можно ходить без охраны... В Баку Савву ожидала приятная новость. Как видно, было решено, что испытание он выдержал и может быть амнистирован: ему была поручена организация подготовки товаров на Нижегородскую ярмарку. Таким образом, пробыв в Баку и в Персии почти год, Савва уехал домой. Он в точности выполнил поручение, данное ему Бекманом: собрал в Москве все необходимое для ярмарки, поехал в Нижний и там все устроил. Мысль о том, что нужно возвращаться в Баку, угнетала его. Он пишет Ивану Федоровичу и просит решить, что ему делать дальше: возвращаться в Баку или ехать в Москву. И Иван Федорович решает – в Москву. И уже недвусмысленно признается, что именно его, Савву, хочет ввести как можно скорее в курс своих дел. «Надо же хоть одному из сыновей войти в отцовское общее семейное дело... чтобы при неспособности по старости отца не играть в жмурки»¹⁶.

Таким образом, с осени 1863 года Савва снова в Москве.

Москва в те годы менялась на глазах. Уходила в прошлое Москва николаевская: исчезли будочники с алебардами, рыдваны с выездными лакеями на запятках, исчез дух покорности и солдафонства; нарождалась послереформенная Москва: строились новые дома, и хотя было их пока не так уж много, но они резко изменили старое обличье города, больше стало людей, одетых по-европейски, и толпа стала оживленнее и речи смелее. Студенты, воспользовавшись правом не носить форму, ходили в штатском, отрастили волосы; появились стриженные девицы в коротких платьях и в синих очках, о них распускались небывлицы, обыватели шарались.

Во всей этой меняющейся обстановке легче было разобраться молодому человеку, легче поспеть за новизной, использовать ее в своих целях – это Иван Федорович понимал, и это, возможно, заставило его столь решительно поступать с Саввой, которого он прочил своим преемником; это заставило его принудить сына пройти короткую, но очень интенсивную школу практической жизни, какой она должна была быть по его понятиям; это же заставило его поспешить с возвращением Саввы в Москву. Но передать сыну дела Иван Федорович еще не смог. Восточный климат очень неблагоприятно подействовал на Савву, он заболел и вынужден был пройти длительный курс лечения, после чего Иван Федорович послал сына в Милан, желая извлечь из этой поездки двойную пользу: дать сыну возможность пожить в благодатном итальянском климате и одновременно приглядеться к европейским методам торговли, конкретно – торговли шелком.

Понимал ли Иван Федорович, что пустить сына в Милан было весьма опрометчиво с его стороны? Торговлю шелком Савва постигал, но в меру, чтобы не было нареканий, большую же часть времени отдавал другому. Он решил использовать свое пребывание в Милане, чтобы серьезно постичь итальянскую школу пения. Каждый день приходил маэстро и добросовестно и методично переделывал голос Саввы на итальянский манер. Потом он пригласил еще одного преподавателя и с ним изучал оперные партии. Савва захотел даже попробовать свой голос в настоящем театре и уже договорился, что ему разрешат исполнить две басовые партии – в «Норме» и «Лукреции Борджиа» – в одном из средних миланских театров.

Иван Федорович явно рисковал, что сын его приедет из Италии не торговцем, а певцом. И то ли он прослышал о том, чем занимался Савва в Милане, то ли действительно умирающая тетушка желала проститься, но именно по этой причине Савва был вызван в Москву и в Милан уже не был отпущен.

В Москве он получил от отца капитал, необходимый для начала собственного дела, снял здание на Ильинке и открыл торговлю итальянским шелком в компании с неким Вединисовым.

В черновых набросках автобиографии Савва Иванович писал: «Вскоре я познакомился с семьей Сапожниковых, заинтересовался их дочерью. Меня привлекала...»¹⁷ Фраза эта осталась незаконченной, вместе с предыдущей зачеркнута и в беловую рукопись, перепечатанную потом на машинке, не вошла, так что мы можем только догадываться о том, что могла привлечь двадцатитрехлетнего Савву Мамонтова семнадцатилетняя Лиза Сапожникова, ибо знаем о ней, и довольно много, из воспоминаний и переписки близких семье Мамонтовых людей, главным образом художников. Правда, воспоминания эти и письма относятся к более позднему времени, но можно предположить с достаточной вероятностью, что характер Лизы Сапожниковой к семнадцати годам в основном сформировался. Лиза была девушкой умной, рассудительной, искренней и глубоко религиозной. И возможно, что именно это последнее качество, соединенное с очень сильной волей, сформировало те черты ее характера, о которых с такой любовью говорят Серов, Васнецов, Нестеров, Остроухов, Антокольский, Поленовы...

Что еще могло привлечь Савву Мамонтова в Лизе Сапожниковой? По-видимому, высокая культура молодой девушки, не столь часто встречающаяся в купеческом кругу. Культуру принесла в семью мать Лизы – Вера Владимировна, урожденная Алексеева. Она была родной сестрой Сергея Владимировича Алексеева, сын которого Константин, двоюродный брат Лизы, известен теперь по псевдониму Станиславский. О нем мы будем говорить еще не раз.

Попав в дом к Сапожниковым, Савва, естественно, почувствовал себя среди своих, настолько общи были его интересы и интересы этой семьи.

Женитьба Саввы на Лизе Сапожниковой, и с точки зрения Ивана Федоровича, не была мезальянсом, ибо покойный отец Лизы был купцом первой гильдии, то есть равней ему. В ответ на письмо Саввы Иван Федорович отвечал в свойственном ему в переписке с сыном нравоучительно-назидательном духе: «Выбор подруги на всю жизнь зависит от сердца и здравого рассудка, одного другим поверенного. Выбор твой указанной невесты Лизы Сапожниковой, если не противоречит сердцу, есть выбор правильный и достойный»¹⁸. Мать Лизы тоже ничего не имела против брака дочери с Саввой Мамонтовым.

25 апреля 1865 года молодые были повенчаны «в Сергиевской церкви, что в приписном сельце Кирееве»¹⁹.

Иван Федорович вел «Дневник в Кирееве». Тогда, видимо, многие вели подобные дневники, в которых кратко, но методично, изо дня в день, записывалось: какая была погода, кто гостил и т. п. В 1865 году «Дневник в Кирееве» начинается записью 23 апреля, из которой явствует, что в Киреево приехали специально для того, чтобы вдали от Москвы по-семейному отпраздновать женитьбу Саввы. Запись 25 апреля: «Воскресенье. День ненастный. Была обедня. Гости прибыли к 3 часам прямо в церковь. Венчание кончилось к 4 часам. Пир начался обедом... Гости разъехались к 9 часам»²⁰.

Остаток весны и начало лета молодые прожили в Кирееве, где для них начали строить отдельный дом, а в середине лета уехали в свадебное путешествие в Италию.

Вера Владимировна была против свадебного путешествия. Это не входило в обычаи купеческих семей. Но обычаи так быстро менялись, что она махнула рукой и смирилась. В свадебное путешествие Савва решил взять младшую сестру свою Ольгу, с которой Лиза очень скоро стала дружна.

В конце августа молодые вернулись в Москву. Иван Федорович купил Савве дом на Садовой, напротив Спасских казарм. Дом был большой, двухэтажный; нижний этаж каменный, верхний – деревянный (через несколько лет этот дом станет одним из центров художественной Москвы).

Будучи безусловно уверенным в деловых способностях Саввы, Иван Федорович начал вводить его в свои дела – главным из них было железнодорожное строительство. Троицкую дорогу решили в будущем продлить до Ярославля. Иван Федорович был держателем контроль-

ного пакета акций, то есть именно от него фактически зависели все решения компании. Другим крупным акционером был Федор Васильевич Чижов, человек необычайно интересный: он был математиком и филологом, был знаком с Гоголем и Аксаковым, был близким другом семьи Поленовых, и переписка его с ними свидетельствует о том, что Федор Васильевич и в живописи знал толк. По-видимому, ему поручил Иван Федорович следить за действиями Саввы в правлении дороги. Сам он чувствовал себя все хуже и все больше отстранялся от дел.

А пока что молодая чета Мамонтовых переживала первые счастливые годы семейной жизни, со всеми ее большими радостями и маленькими огорчениями.

Почти через два года после женитьбы, 4 апреля 1867 года, у Мамонтовых родился сын Сергей. С этого события начинается свои записки Елизавета Григорьевна. К сожалению, записки эти не доведены до конца, они обрываются 1874 годом. В начале их рассказывается о любительском спектакле в Кирееве летом 1868 года. Театр был устроен в риге, ставили «Грех да беда» Островского. Вообще лето прошло очень весело и хорошо. В сентябре переехали в Москву. Елизавета Григорьевна уже ждала второго ребенка. Зиму прожили в своем доме на Садовой-Спасской. Савва Иванович часто уезжал в Ярославль по делам железной дороги.

18 мая 1869 года у Мамонтовых родился второй сын – Андрей, – его стали называть Дрей, а чаще Дрюша.

Лето опять провели в Кирееве. Сережа сдружился с дедом Иваном Федоровичем. Прошлым летом он боялся, когда дед брал его на руки, плакал, а теперь сам ходил к нему в комнату за баранками. Когда Сережа пел «Слався, слався, наш русский царь» – слова песни, которые он услышал, гуляя с няней у Спасских казарм, – Иван Федорович говорил: «Не царь, а мужик. „Слався, слався, наш русский мужик“».

Сережа был уверен, что он слова помнит хорошо, и доказывал, что: «царь».

Еще этим летом Сережа близко сошелся со своими двоюродными сестрами, дочерьми Федора Ивановича, Соней и Машей.

Днем 8 августа дедушка взял маленького Дрюшу и поехал с ним в коляске кататься, вечером старшим внукам устроил фейерверк, а назавтра, 9 августа, заболел. Врачи, приехавшие из Москвы, определили воспаление брюшины. Иван Федорович прохворал десять дней и 19 августа умер. Младшая дочь Ольга убивалась так, что решено было увезти ее из Киреева. Елизавета Григорьевна взяла с собой Сережу, оставив Дрюшу с няней и кормилицей, и вместе с Ольгой поехала в Киев. Они прожили там неделю, ходили по святым местам, гуляли в парке над Днепром и в сентябре вернулись в Москву.

Зима прошла без особых происшествий. Савва Иванович, наследовав от отца акции железной дороги, проявил энергию и решительность.

Поддерживаемый Чижевым, человеком опытным и влиятельным, Савва Иванович приобретал все больший вес в правлении дороги. Используя свои связи, в частности знакомство и доброе отношение министра путей сообщения адмирала Посьета, Чижов добился, что правительство передало концессию на строительство Донецкой каменноугольной железной дороги Савве Ивановичу. Чижов очень надеялся на энергию и деловую хватку молодого Мамонтова, хотя ему и не нравилась горячность Саввы Ивановича, его охота принимать рискованные решения, поэтому пост председателя правления Ярославской дороги Чижов оставил за собой. Дело в том, что был проект продления этой дороги до Костромы, и Савва Иванович готов был ввязаться и в это дело. Чижов был родом из Костромы, ему, конечно, хотелось, чтобы железная дорога была подведена к его родному городу, но он был уверен, что такая дорога будет убыточной. Зато когда Чижов заболел и председательское кресло перешло к Мамонтову, он, пользуясь контрольным пакетом, дававшим ему фактически право единолично принимать решения, утвердил проект о постройке дороги от Ярославля до Костромы. Чижов за голову хватался от подобных выходок своего компаньона. Но время осторожных предпринимателей прошло, нужно было успевать поворачиваться, нужно было поспевать за временем. События оправдали

решение Мамонтова. Дорога до Костромы была построена, и эксплуатировалась, и давала прибыль. Строилась дорога в Донецкий бассейн. Имя Саввы Ивановича Мамонтова приобретало все большую известность как имя предпринимателя умного, решительного и на редкость удачливого.

Глава II

Итак, Савва Мамонтов, теперь уже прочно – Савва Иванович, стал наследником и продолжателем главного дела своего отца – железнодорожного. Наследником Киреева стал старший брат, Федор. Он был, как мы уже говорили, слаб здоровьем, и, по-видимому, Иван Федорович считал, что во владении недвижимым больше гарантии для продолжения обеспеченной жизни. А Савва имение сам себе купит, он уж, как ни кинь, прочно стоит на ногах. Что ж, Иван Федорович был прав...

Первая зима без отца прошла тихо, грустно. Савва Иванович с головой ушел в дела, Елизавета Григорьевна воспитывала детей да посещала во 2-й мужской гимназии, что на Разгуляе, курсы для женского образования: слушала лекции по математике.

В конце февраля запахло весной, потянули теплые ветры. Мамонтовы стали думать, где провести это лето и вообще где его в будущем проводить. Ну понятно, надо покупать имение. Так поступали все в их кругу, так решили поступить и Мамонтовы. Предложили Савве Ивановичу усадьбу Столбово, по Курской дороге. Он поехал, посмотрел, усадьба понравилась, все, о чем мечталось, есть: дом, хозяйственные постройки, лес, река. Совсем уж хотел было кончать дело, повезти Елизавету Григорьевну, чтобы посмотрела женским глазом, и – купчую. Как вдруг явился какой-то маклер и предложил: около Хотькова монастыря, версты за три-четыре, ну от силы пять, – Абрамцево. Бывший владелец, писатель Аксаков Сергей Тимофеевич, преставился, сейчас уж и сынок его старшой, Константин Сергеевич, и старушка, жена Сергея Тимофеевича, богу душу отдали; владелица – дочка, Софья Сергеевна. Вот надумала она продавать Абрамцево, поскольку сама в Москву перебралась на жительство. Имение славное: речка Воря, два пруда, лес богатейший, старый, Троицкая дорога рядом, а в лавру пешком за день дойдешь.

Савва Иванович места эти знал преотлично: ведь расположены они возле Троицкой дороги, которой он был теперь главный владелец.

Не стали откладывать в долгий ящик. 22 марта 1870 года рано утром супруги Мамонтовы, взявши с собой для верности хорошего знакомого своего Николая Семеновича Кукина, первым утренним поездом отправились в Хотьково. В Хотькове уселись в розвальни и поехали в Абрамцево. День был солнечный, у деревьев проталины обозначились уже резко, весна была в воздухе, и на душе было весело, радостно.

Выехали из густого монастырского леса на просеку и вдруг на пригорке увидели дом, крашенный серой краской, а крыша красная. И таким он издали показался уютным, словно сохранял в своих стенах бывшее аксаковское тепло, словно рад был гостям, что, кажется, тут же покупка была решена.

Въехали во двор. Их встретил охранявший усадьбу камердинер Аксакова Ефим Максимович. Во всем имении только и жителей было, что он с женой да дочка их Дуня.

Прошлись по комнатам: комнаты хорошие, славные такие, просторные и одновременно уютные, солнце играет на полу, старая аксаковская мебель стоит, портреты по стенам. Старый аксаковский камердинер рассказывает о Сергее Тимофеевиче, показывает комнату, в которой отдыхал Николай Васильевич Гоголь, когда приезжал к Сергею Тимофеевичу в гости, комната так и называлась у Аксаковых – «гоголевская». Вышли из дома, оглядели снаружи. Дом старенький, но еще постоит не один десяток лет. Отодрали для верности тесину на углу – поглядеть, каков лес. Лес оказался отменный, здоровый и толстый. Кое-что отремонтировать из хозяйственных построек, обновить, а кое-что и заново построить, годик-другой повозиться, и будет отличное имение.

Решено было Абрамцево покупать. Назавтра отправились к Софье Сергеевне Аксаковой договариваться о цене.

Аксаковы владели Абрамцевым около тридцати лет. Были они людьми необычайно интересными. И отец, Сергей Тимофеевич, и оба сына – Константин и Иван – много и плодотворно занимались литературой, каждый на свой манер, причем, хотя отец начал писать позднее сыновей, прославил фамилию он, ибо наделен был редким художественным талантом. Именно общество Сергея Тимофеевича привлекло в Абрамцево Гоголя, а потом Тургенева. Хотя и молодые Аксаковы были по-своему замечательными людьми и к ним тоже ездили гости: братья Киреевские, Хомяков, Самарин и другие литераторы, составившие в 40-е годы прошлого века особое направление в литературной и общественной жизни России – славянофильство.

Всегда в Абрамцеве было много народу, всегда было оживленно, разговоры и споры затягивались допоздна. И так продолжалось вплоть до 1859 года, когда умер Сергей Тимофеевич. Через год после него умер Константин Сергеевич, а еще через несколько лет и старушка – вдова Сергея Тимофеевича – умерла, завещав имение дочери. Таким вот образом Софья Сергеевна Аксакова стала владелицей Абрамцева.

23 марта 1870 года Савва Иванович Мамонтов явился к ней и сказал, что был вчера в ее имении, все ему понравилось и он хочет Абрамцево купить.

«Так как все Аксаковы порядочные люди, – писал впоследствии Савва Иванович, – то разговор о покупке пошел очень просто и ясно». Софья Сергеевна рассказала, что на деньги, вырученные от продажи Абрамцева – 15 тысяч рублей, – и леса, уже проданного на сруб какому-то Головину, разбогатевшему крестьянину из Мытищ, она хочет основать приют. К ней ездит уже некоторое время купец Голяшкин, предлагает 13 тысяч, но она от своей цены не отступит.

Дом в Абрамцеве требовал ремонта, многие служебные помещения тоже, а 15 тысяч рублей – деньги немаленькие. Кроме того, нужно было во что бы то ни стало перекупить проданный на сруб лес, чтобы не обезобразить имение... А вместе с тем Абрамцево было таким имением, какое вряд ли еще когда-нибудь представится случай приобрести. Савва Иванович решил; на завтра опять посетил Софью Сергеевну, вручил ей задаток, купчая была совершена, и к началу апреля Мамонтовы стали владельцами Абрамцева. Оформлена была купчая на имя Елизаветы Григорьевны. Опять поехали осмотреть, теперь уже тщательно, решить, что и как ремонтировать, что в первую очередь, а с чем можно повременить.

С лесом, проданным на порубку, устроилось удачно. К счастью, Головин, купивший этот лес, выплатил не все деньги; подходил срок очередного платежа, у него денег не было. Савва Иванович предложил уплатить оставшиеся две с половиной тысячи, с тем чтобы часть леса, наиболее красивая (дубовая роща), была сохранена. Кулак долго изворачивался, но необходимость вынудила его пойти на компромисс. Дубовая роща была спасена, и Мамонтовы вздохнули свободно. Вырубленное место два года еще производило впечатление зияющей раны, но вот от старых корней пошли молодые побеги, потянулись деревца, и молодой лесок вырос на месте погубленного...

Ремонт дома шел споро, и уже с 12 июля понемногу стали в него перебираться. Ходили по лесу, знакомились с его прелестями, совершали небольшие путешествия вдоль Вори. Савва Иванович уезжал утром в Москву – отец приучил его к каждодневному труду, – а вечерним поездом возвращался в Абрамцево. Осенью вернулись в Москву всей семьей. Хотя и жаль было расставаться с Абрамцевым, но пришлось: Елизавета Григорьевна была на последнем месяце беременности. 15 октября 1870 года родился третий сын – Всеволод, которого в семье стали звать Вокой.

А зимой серьезно заболел Дрюша. Врачи определили болезнь почек в очень тяжелой форме. (Впоследствии это заболевание несколько раз вспыхивало, подтачивало организм, пока не свело Дрюшу в могилу совсем молодым человеком.)

После первого рецидива болезни, в конце 1871 года, положение его стало настолько серьезным, что врачи отказались от Дрюши, считая, что дни его сочтены и их помощь ни к чему не приведет. Елизавета Григорьевна и няня Анна Прокофьевна бессонные ночи прово-

дили у его кровати, то впадая в отчаяние, то обретая надежду. И вдруг наступил перелом. Молодой организм одолел болезнь. Врачи настоятельно советовали увезти Дрюшу из Москвы куда-нибудь на юг, лучше всего в Италию...

В эту пору Савва Иванович познакомился с архитектором Гартманом, который был знаком со скульптором Антокольским, жившим в Риме. Гартман бывал у него, видел, как он работает над статуей Петра I, знал прославившую Антокольского работу «Иван Грозный», которой Антокольский сказал новое слово в русской скульптуре. Статую эту восторженно приветствовал Тургенев. Он опубликовал статью о скульпторе в «Санкт-Петербургских ведомостях», писал о нем письма к друзьям. Петербургскую мастерскую Антокольского посетил даже царь Александр II, осмотрел статую, сказал, что она ему нравится, и заказал для себя бронзовую отливку с нее. Совет Академии художеств под впечатлением такого чрезвычайного события присвоил студенту Антокольскому, пренебрегшему всеми академическими традициями и вообще чье дальнейшее пребывание в Академии было под вопросом, звание академика – случай необычайный, единственный. Но, работая над «Иваном Грозным», Антокольский тяжело заболел горловой чахоткой, и врач Сергей Петрович Боткин велел ему немедленно уехать на юг. Теперь Антокольский, ставший вдруг знаменитым, мог себе это позволить. Он уехал в Италию, в Рим, снял мастерскую и начал работать над статуей Петра I. В то время в Риме, кроме Антокольского, жили историк искусств Прахов и еще несколько художников и скульпторов из России.

Гартман рассказывал с таким жаром о художниках, о том, как хорошо в Италии в феврале – совсем тепло и все в цвету, что Мамонтовы твердо решили: «Ехать!» Гартман написал рекомендательное письмо к Антокольскому, и сборы начались. Главное – надо было обеспечить безопасность для слабого еще Дрюши; Воку решили оставить с кормилицей у бабушки Веры Владимировны. С собой взяли няню Дрюши Анну Прокофьевну и Сережину гувернантку Александру Антоновну. Савва Иванович должен был привезти семью на место, устроить и возвратиться в Москву, к делам, чтобы в начале лета опять приехать – увезти всех обратно.

12 февраля 1872 года выехали из Москвы в Петербург (прямой дороги за границу еще не было), а затем через Мюнхен в Милан. Февраль в Италии действительно был чудесен. Савва Иванович и Елизавета Григорьевна с радостным чувством смотрели, как Дрюша на глазах оживал, становился веселым, бегал по саду. В Милане Мамонтовым посоветовали отправиться не в Рим, а во Флоренцию, где и климат здоровее, куда и путь короче, да и жилье найти легче. Решили ехать во Флоренцию. Пришли в восторг от флорентинского теплого воздуха, ясного неба, от художественной атмосферы города, хранящего в каждом уголке аромат искусства и старины. Больше никуда не хотелось ехать. Савва Иванович устроил семью и уехал в Москву. Месяц Елизавета Григорьевна с детьми прожили на вилле «Де Магни» – на полпути между Флоренцией и Фьезоле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.